

О поэзии

*Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Пушкин*

1

...словом, это про стишки.
Я бы сказал высокопарно: начинаю свои наброски о поэзии.
Но я не высокопарен.
Хотя, вроде бы, это я о ней.
Отношение...кое-какие вопросы...попытки ответов...мысли.
Давайте так: я просто буду думать вслух. А вы терпите.

Вечный вопрос: откуда берутся стихи? И что это вообще такое?
Навязшая на зубах цитата из Ахматовой про «когда б вы знали, из какого сора...»,
пожалуй, очень поверхностно описывает некую внешнюю сторону стихоплётства, но
совершенно не заглядывает внутрь.
Сказать, что Анна Андреевна была не права? Да нет, пожалуй. С какой-то чисто
технической стороны – права, конечно. Так всё и есть. Какая-то случайная фраза, слово
взгляд, мысль... «и стих уже звучит...». Изумительный, кстати, стишок. Так и есть.

Совсем не так.
Ладно, давайте поговорим о том, что же всё-таки такое эти самые стихи. И поэзия.
Для чего всё это мероприятие служит, на кого работает.
Есть всякие забавные определения. Мне, к примеру, пришлось читать и такое: стихи – это
литературное произведение, написанное на основе ритма.
Это в 19 веке какой-то придурок сочинил. В общем, чистейшая правда.
Из той же серии, что «жизнь есть форма существования белковых тел».
Все ответы на данный вопрос довольно сумбурны. Сводятся они, как правило либо к
технической составляющей вопроса (на основе ритма), либо к переживаниям сочинителя.
Примерно так: стихи – это то, что сочиняется, когда мне плохо...etc.
Вот что произносится вслух. Есть и вторая часть. О ней предпочитают молчать.
Поэзия есть некий путь к самоутверждению, если Бог дал хоть грамм таланта.
Вот тут начинаются разного рода конкурсы, своеобразный табель о рангах, толкотня у
ворот редакций, размышления у парадных подъездов и на порогах толстых журналов...
Ну, это отдельный и довольно скучный разговор.

Словом, понятно...и, обратите внимание, никоим образом весь этот более или менее
мелкий суетёж на наш вопрос не отвечает.
А вопрос важный. Потому что ответ на него переворачивает мир.
Разумеется, я излагаю только своё мнение. Кстати, прошу заметить, что всё, что будет
говориться дальше есть только моё мнение. Частное.
Я не претендую на истину в последней инстанции, но с подозрением отношусь к тем, кто
думает, что истина им известна.
Скажем так: в данных заметках я попытаюсь сформулировать свои мысли по затронутому
вопросу, а также некоторые выводы, которые из этих мыслей следуют.

Давайте попытаемся прежде всего понять, с какой стороны вообще подступиться теме. Что такое поэзия? Что такое творчество? Зачем? Как искать ответ? От чего отталкиваться? Что значит – что такое стихи? Что такое вода? H₂O? Или то, что утешает жажду путника под пустынным солнцем? H₂O? Или веер цветных брызг в реке, куда только что с визгом влетели ваши малыши? Жидкость, которой наполняется сортирный бачок? Которой вечно злая, ненавидящая весь мир уборщица баба Люба моет бесконечный пол? Не будем углубляться. Скажем, что при слове «стихи», как и при слове «вода» огромное количество людей подумают про огромное количество разных вещей. Если спросить про стихи рядового колхозника с тамбовщины и университетского профессора-литературоведа ответы их будут неинтересны. И невняты. Только ответ колхозника будет короче и объёмнее.

Мы станем говорить о поэзии, как о факторе жизни, как о составляющей действительности, как о механизме существования. Как об инструменте познания. Мы попытаемся понять не только предназначение, но также и устройство этого инструмента. А начнём мы с ощущений. И не с тех, в результате которых пишутся стихи, а с тех, которые сопровождают их сочинение.

2

Ну что ж, попытаемся вспомнить наши ощущения во время сочинения стихов. И проанализировать. Как это происходит? И что, собственно, происходит? Мы усаживаемся за стол и начинаем соображать: так, о чём бы написать?...ладно, напишу-ка я сегодня вот про... Нет, все мы знаем, как это происходит на самом деле. Вдруг ни с того ни с сего, именно из «какого-то сора» возникает слово, фраза, обрывок метафоры. Который цепляет. Который останавливает. Который может крутиться и мешаться в голове месяцами. Или, регулярно просыпаясь, лежать где-то на дне сознания годами. Или в течение четверти часа обрести практически законченную форму...так? Это всем известно, никакой новости в этих словах нет. Самое главное наступает потом. Когда этот отрывок стишка начинает «обрастать мясом» и превращаться, как писал Грин «из щенка в капитана».

Вы замечали, что это превращение, то есть непосредственно сочинение стихотворения, сопровождается очень необычными чисто физическими ощущениями? Мне сложно давать им определения: транс, какой-то экстаз, некое ощущение эйфории... Одно совершенно точно: эти ощущения, во всяком случае для меня, связаны с осознанием безусловного и совершенно сумасшедшего счастья. Но это счастье вторично. А то, что первично, гораздо важнее. А первично то, что слова не сочиняются. Они как бы «приходят». Это замечают и замечали очень многие. Тут можно начинать ссылаться на бессчётное количество авторитетов, цитировать бесконечно. Но до цитат авторитетов мы ещё дойдём, а пока просто взгляните на то, что пишут в своих «вступительных словах» многие сотни авторов той же Стихиры.

И тоже в цитатах нет смысла. Хотя...

«Как я пишу стихи? А их пишу не я.

Мне их диктует чей-то тихий голос....» - девочке, которая это написала, 13 лет.

Или:

«Я вовсе не пишу стихи - мне их порой диктует кто-то,

Я словно чей-то секретарь

И это сложная работа!!!» - это уже барышня постарше.

Таких примеров несчитано. Вы наверняка наталкивались на них. Или они на вас.

Теперь давайте сложим два плюс два. И посмотрим, что получается.

Итак, всё начинается с того, что «приходит» какой-то отрывок, слово, мысль.

Именно приходит.

Дальше начинается сочинение стишка, неосознанная работа над текстом, сопровождающаяся необычным эзотерическим состоянием. И ощущение, что слова как бы диктуются, приходят откуда-то.

Эти три пункта – и есть описание возникновения стихотворения, которые нас интересуют.

Замечу, что есть ещё и четвёртый пункт, его необходимо отметить.

Просто для полноты картины.

Этот четвёртый пункт представляет собой литературную обработку текста.

До некоторой степени это вопрос литературного мастерства. То есть здесь в игру вступает ремесло, не составляя, однако, суть даже этого четвёртого пункта.

Пожалуй, только тут мы имеем дело с той единственной частью процесса, которой можно если не обучить, то хотя бы как-то поспособствовать, так сказать, «научению» автора.

Через передачу ему предыдущего опыта, ознакомление его с культурным наследием, через чтение поэзии, философии, разного рода специальной литературы.

С другой стороны, как мне видится, всё вышеперечисленное интересно само по себе, и читается совершенно без того, чтобы тебе эти уроки задавали на дом.

Проще говоря, четвёртый пункт является тем самым предметом, которому учат в литинститках.

Потому что первым трём пунктам научить невозможно.

Я сошлся здесь на очень известную цитату из Нобелевской лекции Иосифа Бродского (10 декабря 1987 года). Этими крайне важными словами поэт закончил свою речь:

«Пишущий стихотворение, однако, пишет его не потому, что он рассчитывает на посмертную славу, хотя он часто и надеется, что стихотворение его переживет, пусть не надолго. Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Начиная стихотворения, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее.

Существуют, как мы знаем, три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки – посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя (тяготая преимущественно ко второму и третьему), ибо все три даны в языке; и порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, – и дальше, может быть, чем он сам бы желал. Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихотворение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказать от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого

процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом.»
Вчитайтесь в эти слова.

3

Вдумались? Итак...

Выдержка из Бродского...скажите, а вас ничего не удивило?

Вы не заметили, что слово «язык», употребляемое в этом отрывке многократно, совершенно не к месту?

Когда я впервые прочёл этот текст, он меня поразил своей точностью.

И режущей бессмысленностью этого самого «языка».

«...Пишущий стихотворение пишет его потому, что *язык* ему подсказывает или просто диктует следующую строчку».

Я этого не способен понять. Язык? Диктует? Государи мои, да это же бред!

«...Человек, находящийся в подобной зависимости от *языка*, я полагаю, и называется поэтом.»

А мне хочется сказать, что человек, находящийся в подобной зависимости от языка, называется болтуном. Но это, конечно, шутка.

Не знаю, что произошло. Почему в этих совершенно фантастических по глубине словам произошёл такой сбой.

То ли времена были такие, то ли настроение, теперь уже не узнать. А строить предположения — незачем.

Давайте рискнём и подставим вместо «языка» немодное и банальное слово «душа».

Почему не Бог? Поговорим и об этом.

Теперь я приведу точно ту же самую выдержку из той же самой речи Бродского со словом «душа» вместо слова «язык». Читайте внимательно:

«Пишущий стихотворение, однако, пишет его не потому, что он рассчитывает на посмертную славу, хотя он часто и надеется, что стихотворение его переживет, пусть не надолго. Пишущий стихотворение пишет его потому, что душа ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Начиная стихотворения, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее души вмещивается в её настоящее. Существуют, как мы знаем, три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки – посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя (тяготея преимущественно ко второму и третьему), ибо все три даны в душе; и порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, – и дальше, может быть, чем он сам бы желал. Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихотворение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от души, я полагаю, и называется поэтом»

Вот теперь другое дело... Бродский не на сто, а на тысячу процентов знал, что говорил. Но я убеждён, что именно так следует понимать и читать его текст.

Что ж, теперь я хотел бы просто озвучить своё представление о поэзии. Итак,

1. Написание стихотворения не является сочинением текста. Написание стихотворения есть своего рода путешествие автора по пространству собственной души.

Красиво? Но это совершенно буквальное понятие. Давайте думать дальше.

А что же такое душа, как не частица Бога? То есть то - самое неведомое в нас, которое и есть – мы?

Логическая цепочка проста и очевидна. Бог создал человека по образу и подобию своему. Мне кажется, это означает вовсе не то, что Бог похож на человека. А то, что Он вложил в каждого из нас частицу Себя. Совершенно конкретную живую частицу. Душу. Для меня это, замечу в скобках, самое простое и понятное доказательство бессмертия души. А после скобок скажу, что наши души все вместе и составляют то фантастическое «информационное» поле, которому имя — знание. Так же, как из капель состоит море. В этом море есть всё знание мира, знание прошлого и будущего. Именно потому, что души бессмертны. Так как они — Бог.

Давайте на секунду отвлечёмся от очень умных слов и мудрёных текстов. Давайте думать буквально – точными и понятными словами. Давайте забудем, что принято, а что нет, что модно, а что не очень.

Можно было бы сказать «языком интеллигентного человека» вот как: поэзия – это путешествие сознания в некоем информационном поле, пространстве, момент слияния сознательного и бессознательного. Сложно и красиво. И правильно. Самое время с важностью покивать головой.

Но нет, я так не скажу. Потому что я хочу, чтобы меня поняли. Невозможно постигнуть суть искусства, не поняв, что в любом искусстве есть желание и присутствие Бога.

Ещё раз:

Поэзия есть общение человека с собственной душой, то есть опосредованное общение с Богом.

2. Следовательно, поэзия представляет собой процесс познания человеком Бога и самого себя. Вдумайтесь и постарайтесь уловить эту связь. Это просто. И следует как раз из уже описанной связи человеческой души с Богом.
3. Естественно, что такое общение предполагает получение или извлечение какой-то информации, как результата этого общения.

Не зря Бродский говорит о механизме пророчества – это именно такой механизм.

Именно механизм – нет слова точнее. Но поэт – не пророк, но гораздо меньше. Он только умеет (как правило, неосознанно и почти случайно) пользоваться механизмом пророчества. Как понятно, общение такого рода не предполагает понятия линейности времени; таким образом извлекаемая нами информация может принадлежать к любому временному промежутку.

Нет смысла перечислять поэтов, предсказавших, к примеру, собственную смерть.

Мы часто удивляемся, как Рубцов мог написать: *«Я умру в крещенские морозы»*.

Умер он в середине января 1971г. А удивляться нечему. Это вполне объяснимое и понятное явление, корни которого – в сути поэзии. Как и любого искусства.

4. Поэтическое произведение представляет собой именно такую информацию, извлечённую в доступном автору виде.

В доступном автору виде... Каждому своё. И это важно осознать. Кому-то доступен «Рождественский романс», а кому-то... Иными словами это можно назвать талантом, но я бы назвал это способностью к принятию того, что нам даётся.

Старая мудрость гласит: для того, чтобы набрать воды, нужно иметь кувшин.

5. Таким образом, поэзия, как и любое искусство, является в совершенно буквальном смысле этого слова инструментом познания. Очень точным, надёжным и достаточно простым в использовании.

Послав нас в этот мир, Он не забыл снабдить нас инструментами его познания.

Один из этих инструментов — творчество. А точнее — творческий процесс.

Есть и другие. Но не о них сейчас речь. Нам важно понять, что поэзия, как вид творчества, является инструментом познания. Бога, мира и самого себя.

4

Дальше.

Мы говорили о том, что поэзия есть общение автора с собственной душой или опосредованное общение с Богом. Что поэзия, как и любое творчество, является инструментом познания Бога, мира, людей и себя самого. До некоторой степени можно сказать, что творчество – это наука о себе. В процессе творчества происходит извлечение на свет некой информации, которую нам удаётся получить, как результат общения. Такая информация и представляет собой «полуфабрикат» произведения.

Завершается написание стихотворения его литературной обработкой. Придаем ему «товарного вида».

Когда я говорю об этих процессах, я вовсе не имею в виду, что они происходят последовательно. Все эти процессы протекают параллельно. Эта оговорка может оказаться существенной, поскольку понятие и ощущение времени в творчестве резко меняется.

Иногда время сжимается, а иногда растягивается. Информация даётся нам с той скоростью, которая определяется не нами. Бывают стихотворения, которые, едва возникнув, очень быстро принимают практически законченные формы; с другой стороны, случается, что стишок вынашивается годами. Это известно.

Мы также говорили о том, что творческий процесс сопровождается ощущением необычного счастья. Есть такое слово – вдохновение. Это слово как бы пытается описать те ощущения, которые мы испытываем, погружаясь в творчество.

Вдохновение, на мой взгляд, довольно слабое определение. Потому что, много чего подразумевая, оно на самом деле ничего не описывает, предоставляя нам полную свободу догадываться о том, что же имеется в виду. Помимо этого, данное слово вносит некую путаницу, поскольку представляет само творчество результатом вдохновения, в то время, как эти понятия тождественны.

О литературной обработке текста мы ещё поговорим, эта тема не самая важная в рамках данных записок.

Давайте попытаемся сделать ещё один шаг. Давайте, исходя из приведённых посылок, подумаем: для кого же пишутся наши стихи?

Это очень важный момент, потому что тут прячется ответ ко многим путаницам и недопониманиям как в литературе, так и в самом авторе.

Если творчество есть инструмент познания, самопознания, постижения Бога и мира вокруг нас, тогда та информация, которую мы извлекаем из данного процесса, в первую очередь представляет собой ответы на наши собственные вопросы, на наш поиск.

www.stihofil.ru

Что-то вроде страничек из учебника. Только очень хорошего учебника – такого, который написан специально для нас. Каждому — свой. На языке, понятном нам. Предназначенном нам. Осознаваемым и ощущаемым нами.

Так вот, я убеждён, что стихи пишутся не для просвещения человечества, не для благодарных потомков, толстых журналов и литературных конкурсов. Стихи создаются автором в первую голову для самого себя, ибо именно таково их предназначение.

Во вторую очередь — да, для публики, но вовсе не так, как принято видеть этот процесс. Мы ещё затронем эту тему.

Стихи как бы отмечают вехами тот путь, по которому мы идём, ту дорогу, которая ведёт нас к ответам на важнейшие вопросы на этой Земле: кто ты? и зачем ты?

Если взглянуть на вещи таким образом, то с одной стороны многое оказывается понятным, с другой же стороны становится очевидной бессмыслица различных весьма бурных процессов, происходящих в литературной и окололитературной среде.

И первые выводы вот какие.

Не существует плохих стихов.

И не существует верной оценки стихов.

Акт общения, путешествия в закоулках собственной души – есть штука интимная. Если процесс общения между любовниками происходит, как правило, при закрытых дверях, то неужели процесс общения с Богом должен быть публичным?

Тут какая-то жуткая путаница в самой основе, государи мои.

Стихи – это результат такого общения, это то, что автор сумел из этого общения вынести.

Можно сказать иначе: то, что автору на этом этапе дали, позволили взять.

Каждому дано то, что дано; нам ли судить, обсуждать и оценивать это?

Более того: кто сумеет понять и оценить эти результаты лучше самого автора?

Может возникнуть вопрос: а как автору оценивать собственные стихи?

Очень просто: всего лишь прислушаться. К себе. Если автору со своим стишком хорошо (а хорошо – это может быть и больно и горько и радостно и счастливо), то есть если он со своим стихотворением чувствует себя комфортно, уживается с ним в мире, то значит стихотворение состоялось. Выполнило свою работу. Какая-то очередная доля информации получена. Сделан очередной шаг. А состоявшееся стихотворение, стихотворение, выполнившее свою задачу, не может быть плохим.

Я хочу сказать, что любая оценка стихотворных произведений представляет собой всего лишь оценку литературных его достоинств и недостатков. То есть оценку самого заключительного этапа создания стихотворения, а именно этапа придания стишку товарного вида. Оценку формы.

Саму же информацию, заложенную в стишке, мы оценить не можем, ибо она даётся автору персонально, даётся на его языке и на его уровне. Нас, конечно, могут «зацепить» какие-то мысли, созвучия, что-то ещё, но, видится мне, всё это очень поверхностное прикосновение к настоящей сути.

Цели и суть этой информации полностью понятны Тому, кто её даёт. И частично тому, кто её получает. Тому же, кто получает её в уже переработанном виде из третьих или четвёртых рук, смысл такой информации редко доступен полностью.

Ну хорошо, скажут мне, а что же делать с водопадами, тысячами кубометров безвкусицы и банальщины, льющейся на нас непрерывным потоком?

С бесконечными миллионами одинаковых строк о любовях и разлуках?

www.stihofil.ru

Правильно скажут. Отвечу.

Ровно то же самое, что со всем этим делалось и до сих пор. Не замечать.

Потому что либо это только начало узнавания человеком самого себя настоящего, где автор, как ребёнок, проходит какие-то первичные этапы роста, прежде чем сделать первый неуверенный шаг. Либо это всё «сочинённые», «придуманые» стихи, то есть произведения, создание которых не имело никакого отношения к описанному процессу. А происходило путём искусственного подбора слов, прилаживания их одного к другому и т.д.

Очевидно, что оценивать все эти мутные потоки бессмысленно в любом случае.

Но по-настоящему важно другое.

Важно то, что отказ от оценок стихов, как и любого результата творческого процесса (во всяком случае от публичных оценок) автоматически приводит нас к отказу от всякой поэтической «табели о рангах», от всякого элемента соревновательности в поэзии, от конкуренции. Иными словами – от всего, что так или иначе основывается на оценочном подходе к стихам.

Я говорю тут не только о совершенно бессмысленных с моей точки зрения поэтических конкурсах, но и о нечистоплотной возне вокруг разного рода писательских организаций, толстых журналов, etc.

Поэтические конкурсы вредны, как мне видится, по двум причинам.

Первая состоит в том, что судьи (удивляюсь храбрым людям, берущим на себя эту роль) в любом случае не способны и не могут быть способны по определению оценить (повторюсь, но это только к лучшему) ту внутреннюю информацию, ту суть, которую автор получил в данном произведении. Ибо такая оценка есть не что иное, как оценка отношений человека с Богом, что нелепо.

Таким образом, оценена может быть только литературная, техническая сторона произведения. То есть поэтический конкурс всегда становится чем-то вроде конкурса конфетных обёрток.

Потому что (ещё раз) саму конфету членам жюри оценить не дано.

А вторая причина заключается в том, что любой конкурс по самой своей сути носит соревновательный элемент. А такой элемент учит авторов неправильному в корне отношению к поэзии. Хочешь – не хочешь, возникает следующая связка: тот кто победил является поэтом лучшим, чем тот, кто не победил.

И можно до посинения говорить о том, что конкурсы помогают узнавать новые имена, что все отлично понимают: победа в конкурсе есть понятие абстрактное, и т.д.

Но нет, по моему мнению вред от этих мероприятий настолько перевешивает пользу, и является настолько фатальным, что отказ от участия во всяких поэтических соревнованиях – единственно правильное и возможное решение.

5

Я позволю себе привести собственную цитату из предыдущей части.

Вот она: «Если творчество есть инструмент познания, самопознания, постижения Бога и мира вокруг нас, тогда та информация, которую мы извлекаем из данного процесса, в первую очередь представляет собой ответы на наши собственные вопросы, на наш поиск.»

Как мы уже говорили, стихи пишутся в первую очередь для самого автора.

Также речь шла о том, что человеку стороннему очень трудно по-настоящему оценить стихотворение, если не брать в качестве критерия чисто литературную, техническую сторону дела.

Наберите в поисковике Google фразу «определение хороших стихов» или «что такое хорошие стихи». Попробуйте, это любопытно.

Вы ничего не найдёте. В основном, просто подборки стихов – кто во что горазд.

www.stihofil.ru

Какие-то невнятные любительские обсуждения – и всё. Это презабавно.

Невозможно вести сколько-нибудь серьёзный разговор по любой теме, не договорившись о терминологии. Все мы легко определим, что такое, к примеру, хороший хирург, хороший адвокат, хороший шофёр, хороший бегун, хороший слесарь и т.д.

Но что такое хороший поэт мы не знаем, равно как и не знаем, что такое хорошее стихотворение. НО!

Этот факт ничуть не мешает нам с уверенностью утверждать, что Цветаева – хороший поэт. И что Лермонтов – хороший поэт. И что Расул Гамзатов...имел хороших переводчиков...

А какой-нибудь там Икс или Игрек – плохой поэт. А почему?

Давайте подумаем – как же у нас получается, что мы используем понятия, которые не умеем определить?

Вот хороший футболист – это тот, кто забивает много голов. Или помогает их забивать.

А хороший поэт – это тот, кто пишет много хороших стихов? А хорошие стихи – это неизвестно что такое...

Друзья, нет смысла углубляться, ибо вывод ясен: оценка стихотворения всегда будет субъективной. Ибо не существует никаких объективных критериев такой оценки.

Вот пример:

*Кто бы ни был виновен,
но, идя на правед,
воздаяния вровень
с невиновным не ждешь.
Тем верней расстаемся,
что имеем в виду,
что в раю не сойдемся,
не столкнемся в аду.*

Или вот это:

*Она легко уставала,
И если вдруг засыпала,
Он мыл под краном посуду и комнату подметал.
Потом, не шуметь стараясь
И взглядов косых стесняясь,
Тайком за закрытой дверью белье по ночам стирал.*

Первый отрывок взят из Бродского, второй – из Эдуарда Асадова.

Видимо, нет смысла говорить, что есть тут хорошие стихи и есть, наоборот, плохие. И что всё это всего лишь моя точка зрения. Которая ничем не лучше точки зрения барышни из ивановского текстильного техникума, отходящей ко сну с томиком Асадова под подушкой.

Невозможно также оценивать качество стихов и по тому влиянию, которое они оказывают на публику, не впад при этом в грех тщеславия.

Мы запросто можем сказать, что Бродский мыслил шире и глубже, чем тот же Асадов, поэтому его (Бродского) влияние на нас сильнее, а стало быть он и поэт лучший. (Я тут перескакиваю через некоторые понятные звенья логической цепочки; надеюсь, читатели меня простят. Это только экономии места и времени для.)

Так вот – ничего подобного.

На меня или вот на Вас, возможно, Бродский влияет сильнее - а на ту же барышню? Ровно наоборот. И таких барышень миллион. И не один.

Это вечная тема... Ладно, Асадов. А Илья Резник? Который знаменитее Пушкина, Бродского, Ахматовой и Пастернака вместе взятых в разы... А какая-нибудь группа «Ласковый май», переплюнувшая в России Бетховена вместе с Моцартом и Чайковским в тысячи раз? Вы скажете – где теперь этот Май и где Бетховен, так? А какая разница: не «Ласковый май», так что-то другое, какое-нибудь...не знаю я их всех...

Можно возразить: Бетховен и Ахматова настоящая культура, а всякий там Асадов и Ласковый май – это всё явления временные, то бишь попса.

Можно. Но не стоит. Никто и никогда не признает свои культурные взгляды ненастоящими. То есть в такого рода дискуссии все останутся при своих.

Интеллигенция может считать себя носителем культуры сколько угодно. Как правило, такое «несение культуры» сводится к кухонным разговорам под чай с водкой и преодолению дикой скуки при просмотре фильма «Сталкер».

Итак, что такое хорошо и что такое плохо...

Скажите, а вы сами когда-нибудь задавались вопросом: а чем хорош Пушкин? Или Лермонтов?

Вот попробуйте честно ответить себе на этот вопрос, не залезая в справочники и не копаясь в сети. Попробуйте понять сами себя.

Беда в том, что зачастую люди пользуются шаблонами, как мышления, так и культуры, как морали, так и общепринятых взглядов на вещи, совершенно не давая себе труда остановиться и поискать ответ на простейший вопрос: а почему так? А почему не иначе? Детский вопрос «А почему?» - гениальная штука. Жаль, что мы выросли, и его подзабыли.

Хочу заметить, что я ничуть не намереваюсь кого-нибудь тут экзаменовать или, не приведи Господь, воспитывать.

Мы как-то привыкли, что Пушкин – гений, а нам самим-то его читать сподручно?

А когда мы гения в последний раз открывали, если сподручно?

Поэзия, как и любое искусство, последовательна. В ней одно следует из другого.

Не с математической, конечно, точностью, но и не сумбурно.

Как я уже писал, и ещё не раз напишу, поэзия есть диалог человека с самим собой, с Богом, с миром.

А всё, что связано с Богом, имеет смысл. Хоть он нам и не всегда очевиден.

И, как и в любой теории, нельзя рассуждать и пытаться что-то понять, не условившись о терминологии.

7

А теперь мы попытаемся подумать о судьбе литературного произведения, когда оно уже закончено, оторвано от автора, и начинает собственную жизнь.

Вначале мне бы хотелось высказать вот какую мысль.

Если поэзия представляет собой описанный выше процесс или инструмент познания, а литературное произведение является продуктом этого процесса, то мы приходим к странному парадоксу.

Результатом познания, на мой взгляд, может быть только само познание. Но не текст.

Это очень важный момент, который полезно понять, ибо из него много чего следует.

Если процесс творчества является в сущности почти прямым общением с Богом, то сам этот процесс представляет собой своего рода молитву.

www.stihofil.ru

Ведь именно так люди привыкли называть общение с высшими силами. Таким образом, каждое стихотворение есть по сути молитва, как бы на один раз, на момент творческого процесса. Тут я просто не могу не сослаться на чудесную статью Н. Болдырева «Библия дня сего». Там просто и понятно раскрывается как раз эта мысль.

Давайте думать дальше.

Стихотворение есть продукт общения или самопознания в том виде, в котором удалось выдать этот продукт «на гора». И не более того.

Не более того. Сейчас я сделаю очень важный вывод.

На мой взгляд, стихотворение не является основным результатом творческого процесса. Основным результатом творческого процесса является сам процесс, а литературное произведение представляет собой его побочный результат. И никоим образом литературное произведение (в данном случае речь идёт о поэтическом произведении) не может описать этот процесс.

Так выхлопные газы не могут описать работу двигателя.

Так деньги есть побочный результат труда.

Именно эта мысль, по моему мнению, и есть пояснение к тютчевскому «мысль изреченная есть ложь».

И мне не страшно сделать следующий шаг. И задать самому себе вот какой вопрос: не является ли Пятикнижие результатом творчества самого Бога? Не мне судить Его, но то, что люди безуспешно пытаются именно постичь процесс по побочному результату, то есть по тексту – это, похоже, факт.

8

Спотыкаясь и путаясь, добрали мы до восприятия художественного произведения.

Не будем говорить о прозе, тут я не берусь судить. Хоть и не сомневаюсь, что процессы схожи.

Конечно, о восприятии стихов говорили много. Есть две стороны: сторона автора и сторона читателя.

Автор, отдадим ему должное, тоже воспринимает своё произведение как бы со стороны. Особенно после того, как всё, что было можно, уже поправлено и дописано.

Отрываясь от своего детища, автор постепенно меняет к нему отношение.

Пожалуй, именно слово «детище» тут на месте. Сравнение как нельзя более удачно. С течением времени отношение наше к собственному ребёнку меняется. Те, кто рассказывают, что «для меня ты навсегда останешься маленьким», несколько кривят душой, как мне кажется.

Стихи, как дети, вырастают и начинают собственную жизнь. Она складывается зачастую совершенно не так, как предполагал автор. Это естественно.

Родители, пытающиеся направлять жизнь своих взрослых отпрысков, как правило, не добиваются ничего полезного. Так же и с поэтами. Стихи уходят, их следует отпускать. В принципе, появление некой холодности, даже равнодушия к своим прошлым стихам заложено в самой идее поэзии.

Корни всё те же: нельзя два раза войти в одну и ту же реку. Нельзя повторить неповторимое, процесс общения, процесс познания и осознания. В противном случае мы перепутаем творчество и обучение. Творчество – процесс многократный, но всегда единоразовый.

Обучение может повторяться из года в год – всю жизнь.

Таким образом, автор, расставшийся со свим произведением, становится по отношению к этому произведению почти читателем. Ему уже не вернуться в сам процесс создания (автор ведь – создатель, то есть творец), но ассоциации с этим состоянием никуда не

уходят. Плюс какие-то свои личные чисто жизненные «завязки», которые автор в произведение внёс. Которые будут ассоциироваться с ним всегда.

Пушкин, сказавший: «Хвалу и клевету приемли равнодушно», в принципе выразил всё. Произведение окончено, завершено, стихотворение состоялось. Оно выполнило свою работу. Шаг сделан. Очередной маленький Рубикон перейдён. Молитва произнесена. Более того, она услышана.

Каков тогда смысл критики? Чем интересно стороннее мнение? Чем оно важно?

Кому направлено?

«И не оспаривай глупца». Это потому, что сторонний читатель заведомо не может понять авторский текст. До конца.

Таково устройство текста. Существенно это понять и признать.

Великая фраза «Я знаю только то, что ничего не знаю» - и об этом тоже. Знать, что не знаешь – огромный шаг вперёд.

Но если читатель умеет признать тот факт, что до конца не способен проникнуть в текст, то, естественно, всякая критика с его стороны становится бессмысленной.

Критика сути. Критика мысли. Критика материальной составляющей нематериального начала.

Вот почему «И не оспаривай глупца». Так я это вижу.

И действительно, подобной критики немного. Основная критическая масса (каламбур, однако...) направлена в область чисто техническую: размер, рифма...

Такая критика (назовём её обучающей или вспомогательной), вероятно, имеет какой-то смысл. Особенно, если удалить из неё тщеславие, соревновательность и зависть.

То есть конъюнктуру. Желание выпендриться, задеть, показать превосходство.

Возможно ли такое? Вряд ли.

Именно в силу этих обстоятельств в гениальном стихотворении «Поэту» тот же Пушкин говорит...пожалуй, это стихотворение стоит привести целиком. Вот оно:

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

В этом сонете вся поэзия. Вся её суть.

Пушкин знал. Я могу написать ещё двести тысяч строк, но всё уже сказано и пояснено этим стихотворением. Вчитайтесь в него. Перед вами одно из высочайших достижений мировой поэзии.

Теперь о читательском восприятии и понимании.

Думаю, нет смысла снова доказывать, что два человека не способны одинаково воспринять даже одно слово. Примеры приводились.

www.stihofil.ru

Недавно, в комментариях к одной из прошлых моих статей двое читателей описывали своё понимание некоего стихотворения Иосифа Бродского. Если не ошибаюсь, каждый был убеждён, что его понимание не просто единственно верное, но и единственно возможное. С читателями всё в порядке. Они вовсе не глупцы. Это естественная ситуация. Если одно слово мы воспринимаем по-разному почти всегда, то поэтическое произведение - и подавно.

Знаете, есть такая штука – Кодекс. Уголовный. Или Гражданский. Создатели текстов законов стремятся именно к единообразию их понимания. К однозначности. Без метафор и философий. Отсутствие разночтений - важная их задача. Но разночтения есть и тут! Думаю, пояснения излишни. Спросите любого адвоката. Значительная часть его профессии – использование таких разночтений. Так может ли существовать «единственно возможное» и «единственно верное» понимание поэтического произведения? Которое по своей сути неединообразно? Суть которого есть личностное описание человеческой души и осознание мира? И Бога? Нет, это невозможно никак. И это нормально. И это правильно. Потому что поэзия неоднозначна в принципе.

Каждый читатель понимает и ощущает поэтическое произведение по-своему. Сообразно своей собственной душе, своей жизни, своему опыту. Скажу прямо, что читательское восприятие художественного текста — тема для меня сложная и совсем почти «нехоженная». Позволю себе только одно коротенькое замечание.

Мне видится, что процесс творчества, как самоосознания самопознания и познания мира, одновременно является и посылом читателю. Так сказать, неким сообщением ему. В определённой мере автор произведения является и автором этого посыла. Но не полностью. Нет великой крамолы в предположении, что Тот,кто даёт информацию автору, передаёт её и читателю. Причём каждому свою. И всем разную. Это простое предположение может разрешить многие умные споры о качестве художественных произведений. Если мы примем в качестве аксиомы тот простой факт, что каждый понимает стихи по-своему (а чего уж проще-то?), то мы с неизбежностью придём к отказу от всяких попыток утверждения своего мнения, как единственно верного. Каждый понимает стихи по-своему не только потому что все люди разные, но и потому, что таково ещё одно свойство поэзии. И если мы научимся такому простому недействию, то вряд ли пожалеем об этом. И не только о стихах, кстати, речь.

9

В заключение мне хотелось бы сказать вот что. Перечитав всё вышеизложенное, я лишней раз убедился в том, что есть важнейший человеческий опыт, который передать нельзя. Есть знания, которые доступны только к самостоятельному получению. Когда моя старшая дочка ещё только начинала ползать, она схватилась рукой за голую лампочку, ввинченную в настольную лампу без абажура. Естественно, жутко обожглась. Потом эту поджаренную ладошку долго и больно лечили. Понятно, что больше она за лампочку не хваталась.

Сколько раз мы безнадежно объясняем детям то, что когда-то наши родители пытались объяснить нам?

Так устроен мир: знания передаются с опытом, познание — никогда. Оно описывается. Это наибольшее, что можно сделать.

www.stihofil.ru